

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.77

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.84-98

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОТОСПОСОБНОСТИ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.Е. Царёва

Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва, 117638, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению форм и способов участия систем искусственного интеллекта в гражданских правоотношениях, соотношению понятий «гражданский», «экономический» и «цифровой гражданский оборот», а также вопросу оборотоспособности систем искусственного интеллекта в качестве блага, обеспечивающего его создателю экономическую выгоду от использования. В ходе анализа различных подходов к определению правовой природы искусственного интеллекта сделан вывод о том, что на сегодняшний момент для российской правовой доктрины наиболее приемлемым является определение искусственного интеллекта в качестве объекта права. Выделены в качестве объекта гражданского оборота права на систему искусственного интеллекта, определены особенности оборотоспособности такой системы. Предложено внести изменения в гражданское законодательство и урегулировать переход прав на систему искусственного интеллекта как на комплексный объект интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: правовая природа, искусственный интеллект, объект права, инновации, инновационная деятельность, объект интеллектуальной собственности, оборотоспособность, критерии оборотоспособности

Современный этап развития общества характеризуется широким распространением и активным развитием информационных технологий, а также созданием на их основе систем искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Уже сейчас искусственный интеллект находит применение в различных сферах жизнедеятельности общества (финансы, военное дело, медицина, образование, транспорт, управление человеческими ресурсами и пр.). Их количество постоянно растёт, уже рассматриваются вопросы применимости искусственного интеллекта в правовой сфере [1, с. 37].

Так, в апреле 2021 г. рабочая группа «Нормативное регулирование» при АНО «Цифровая экономика» одобрила «Концепцию развития технологий машиночитаемого права» (далее – КРМП), определяющую и нормативно регламентирующую возможность использования технологий машиночитаемого права в существующих нормотворческих процессах и процессах правоприменения. По мнению разработчиков КРМП, внедрение искусственного интеллекта в правотворческий и правоприменительный процессы позволит снизить затраты граждан на услуги юристов, а также трансформировать сферу контрольно-надзорной деятельности государства.

Между тем, пока юристов не заменил робот с искусственным интеллектом, представляется возможным рассматривать вопросы правового регулирования самих систем искусственного интеллекта, а также возможность перехода прав на них.

Существует достаточно много определений и трактовок понятия «искусственный интеллект» в интерпретации различных авторов в зависимости от того, что выступает основным предметом дискуссии или научного исследования. Обобщенно все существующие дефиниции можно разделить на две большие группы: к первой группе относятся дефиниции, характеризующие область научного знания, ко второй – характеризующие признаки и свойства определенных устройств или систем [2, с. 27].

Некоторые исследователи ставят знак равенства между понятиями «искусственный интеллект» и «робот». Так, А. Гурко утверждает, что искусственный интеллект «можно определить как машины (роботы) и/или программы (компьютерные программы), которые направлены на решение интеллектуальных задач, как если бы такие задачи решал человек» [3, с. 8].

В то же время В.А. Лаптев справедливо указывает, что «искусственный интеллект может существовать отдельно от машины (робота) только в цифровом виде – в виде киберфизической системы и иных искусственных систем, позволяющих моделировать соответствующие действия. Собственно, именно в этом заключается трудность определения грани между программным алгоритмом и искусственным интеллектом, поскольку традиционно интеллект (творческая возможность) свойственен только биологическим организмам» [4, с. 82–83].

Еврокомиссия в «Белой книге об искусственном интеллекте...» систематизирует европейский подход к определению понятия «искусственный интеллект» и абсолютно обоснованно определяет, что «искусственный интеллект представляет собой любую систему, которая имитирует разумное поведение путем анализа окружающей обстановки и совершения соответствующих действий – с некоторой степенью автономности – для достижения конкретных целей. Такие системы могут быть чисто программными и ограничиваться виртуальной средой (голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лиц) или встроены в аппаратные устройства (продвинутые роботы, беспилотные автомобили, дроны или приложения Интернета вещей)¹ (WPAI, p. 16).

В предложенном Национальной стратегией развития искусственного интеллекта, утвержденной Указом Президента РФ от 10 окт. 2019 г. № 490 (далее – НСРИИ), определении искусственного интеллекта как комплекса технологических решений речь идет о технологии, производящей результат, отличный от заданного алгоритмом.

В настоящее время множество споров ведется и о правовой природе искусственного интеллекта, существующие при этом подходы условно можно разделить на две большие группы.

1. Искусственный интеллект рассматривается как субъект, наделенный в той или иной степени правами и обязанностями, то есть правосубъектностью (первый

¹ Перевод на русский язык наш. – А.Ц.

в мире пример официального признания у робота с развитым искусственным интеллектом свойств субъекта права сделан в Саудовской Аравии, где человекоподобный робот София стала первой машиной, получившей гражданство (Коммерсантъ)).

2. Искусственный интеллект трактуется как объект права (одна из причин – отсутствие полной автономности).

Актуальной для современной юридической науки задачей является решение вопроса о правосубъектности искусственного интеллекта. На текущий момент лишь прогнозируется создание «сильного» искусственного интеллекта (англ. *artificial general intelligence*, или *AGI*), то есть универсального человекоподобного интеллекта, сверхразума, во много раз превосходящего человеческие возможности, который будет понимать статьи по физике, сочинять романы, разрабатывать инвестиционные стратегии, успешно вести беседы с незнакомыми людьми, открывать новые источники энергии и спасать жизни. Активные разработки по созданию такого ИИ ведутся, например, компанией “*DeepMind*” (“*DeepMind AI project*” – проект компании “*Google*”) (DM), в то время как «слабый» ИИ уже реализован в системах, предназначенных для решения определенных задач (например, голосовые помощники *Siri*, Алиса [5, с. 198] или программа искусственного интеллекта ЭЛИС, способная обучаться, и др.). «Слабый» ИИ обладает компьютерным зрением, способен обрабатывать естественный язык, распознавать и генерировать речь, принимать решения. В итоге на современном этапе развития технологий представляется нецелесообразным приравнивание ИИ или роботов к искусственным интеллектом к субъекту прав.

Важно понять цель правового регулирования: это решение вопросов ответственности, безопасности, принадлежности прав на результаты, созданные искусственным интеллектом, регулирования перехода прав на ИИ. На наш взгляд, достичь этого возможно через признание системы ИИ объектом права при условии, что ответственность за действия такой системы будут нести разработчики и/или лица, владеющие (управляющие) ИИ; результаты интеллектуальной деятельности, созданные системой ИИ, могут охраняться по аналогии с произведениями или как «квазипроизведения»; в целях осуществления перехода прав на систему ИИ представляется возможным ее признание особым объектом интеллектуальной собственности.

И.А. Дроздов подчеркивает, что «эти вопросы находятся явно за пределами права интеллектуальной собственности, но их решение чем-то похоже на регулирование интеллектуальных прав: есть автор, он что-то создает, дальше это вводится в оборот, и кто-то зарабатывает на имени автора» [6, с. 12].

Ю.С. Харитоновна и В.С. Савина, в свою очередь, справедливо отмечают, что «наиболее перспективным является исследование вопросов, связанных с определением технологии ИИ в качестве инструмента создания нового знания, что приводит к отрицанию правосубъектности таких систем» [7, с. 527].

Ввиду отсутствия единообразного подхода, с учетом перспективы развития ИИ верным представляется критериальный подход к определению понятия «искусственный интеллект».

Можно выделить следующие критерии, составляющие сущность ИИ:

- системность (совокупность баз данных, программных, аппаратно-программных и иных технологических решений и компонентов);
- существование в виртуальной среде в виде комплексной программной системы или в составе аппаратного устройства (киберфизической системы);
- способность обрабатывать, систематизировать и воспроизводить значительный объем информации и иных данных, получаемых из окружающей среды и путем взаимодействия с иными внешними источниками;
- способность осуществлять поиск решения задач без заранее заданного алгоритма;
- некоторая степень автономности для решения конкретных задач;
- самообучаемость;
- адаптация.

Если отбросить рассуждения о возможности создания «сильного» ИИ, то технологии, известные на сегодняшний день, позволяют точно утверждать, что существуют системы ИИ, представляющие собой программный или программно-аппаратный компьютерный комплекс, который может быть реализован в физическом (в виде робота или иной киберфизической системы) или цифровом виде, способный посредством сбора данных и обработки информации из окружающей его среды делать логические выводы и принимать решения за счет выполнения функций, которые обычно связывают с деятельностью человеческого мышления.

Действующие в России документы стратегического планирования² провозглашают необходимость построения цифровой экономики и развития сферы инноваций. Гражданско-правовой оборот имущественных прав, отражающий динамику гражданских правоотношений (возникновение, изменение и прекращение прав и обязанностей правообладателей) в процессе товарного оборота материальных и нематериальных активов (в том числе исключительных прав), обеспечивает правовую основу инновационной деятельности.

Обращаясь к исследованиям российских цивилистов, можно выделить два основных подхода к явлению «гражданский оборот». Согласно первому, гражданский оборот представляет собой совокупность юридических фактов (Г.Ф. Шершеневич [8, с. 80], М.И. Брагинский [9, с. 4]), в соответствии со вторым он рассматривается как совокупность правоотношений (В.А. Дозорцев [10, с. 283], О.А. Кравчигов [11]).

Е.А. Суханов отождествляет понятия «имущественный» и «гражданско-правовой оборот», рассматривая второй как «юридическое выражение товарно-денежных, рыночных экономических связей», то есть как складывающийся «из многочисленных конкретных актов отчуждения и присвоения имущества (товара), совершаемых собственниками или иными законными владельцами» [12, с. 57]. Участие в гражданском обороте, по мнению Е.А. Суханова, «представляет собой приобретение и осуществление гражданских прав и обязанностей

² См.: Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 дек. 2016 г. № 642 // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901; Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 дек. 2018 г. № 16) // СПС Консультант Плюс и др.

от своего имени под собственную имущественную ответственность перед кредиторами» [12, с. 83].

Стоит отметить, что гражданский и предпринимательский/экономический оборот необходимо разграничивать, поскольку, исходя из смысла ст. 2 части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК1 РФ), целью предпринимательского оборота является получение субъектами правоотношений прибыли или иного экономического эффекта. Экономический оборот – это в первую очередь торгово-промышленные операции, совершаемые с целью извлечения прибыли. Такой вывод подтверждает и определение предпринимательской деятельности, данное в ст. 2 ГК1 РФ. Экономический оборот – это также и замкнутый цикл движения денег и товаров от производителя к потребителю и обратно [13, с. 26]. Таким образом, «экономический оборот» и «гражданский оборот» – явления взаимосвязанные, но различные по своей природе. Экономический оборот может существовать и вне права, гражданский же оборот представляет собой правовую форму экономического.

Под «оборотоспособностью объектов гражданских прав» П.В. Крашенинников с соавторами понимают «возможность (допустимость, способность) их перехода от одного субъекта к другому в результате отчуждения (по договору купли-продажи, дарения, мены и пр.), или в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица), или иным способом» [14, с. 345].

В российском гражданском законодательстве термин «оборотоспособность» раскрывается в ст. 129 ГК1 РФ. Общее правило об оборотоспособности объектов гражданских прав, согласно данной статье, показывает, что «оборотоспособность, на первый взгляд, связывается с возможностью использования объекта в гражданском обороте, т. е. законодатель исходит из свойств самого объекта гражданского оборота. Однако представленная окончательная формулировка п. 1 ст. 129 ГК1 РФ в большей степени указывает на способность субъекта отчуждать или передавать объекты гражданских прав, что позволяет сделать вывод о свойстве субъектов как определяющем при формулировании понятия “оборотоспособность”, что справедливо. При этом оборотоспособность в первую очередь характеризует динамику отношений» [15, с. 32].

Следует отметить, что не все объекты гражданских прав являются оборотоспособными. Нематериальные блага, в том числе объекты интеллектуальной собственности, не могут быть оборотоспособными, поскольку неотъемлемы от личности и, соответственно, по общему правилу не могут переходить к другим лицам, однако оборотоспособными являются права на такие объекты.

Таким образом, под гражданским оборотом законодатель понимает совокупность сделок и иных действий, предметом которых является отчуждение или переход прав на объекты гражданских прав. Такой подход представляется вполне обоснованным.

Стремительное развитие информационных технологий способствует и трансформации категорий гражданского права. Так, по мнению А.А. Карцхия, можно говорить о появлении «специфической области гражданского оборота – цифрового гражданского оборота», который определяется как «гражданский оборот имущественных прав с использованием цифровых технологий в коммуникационных се-

тях, специфика оборота новых цифровых объектов гражданского оборота, защита прав и интересов правообладателей и пользователей на такие объекты» [16, с. 137].

Одной из задач федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (НРЦС) по созданию системы правового регулирования цифровой экономики является создание правовых условий для формирования электронного гражданского оборота. Иными словами, и законодатель подтверждает появление нового вида гражданского оборота – электронного гражданского оборота.

Говоря об оборотоспособности, нельзя оставить без внимания научную дискуссию об определении понятий «объект права» и «объект правоотношения». Проводя систематизацию подходов научного сообщества к вопросу соотношения указанных понятий, В.Н. Чебаев делает вывод, что «одни ученые отождествляют объект права с объектом правоотношения, другие говорят как о объекте субъективного права, третьи – как о объекте объективного права, четвертые – просто об объекте права. Те, кто сравнивает объект права с объектом субъективного права, делятся в свою очередь на две группы (направления): а) одни считают понятие “объект субъективного права” тождественным понятию “объект правоотношения”; б) другие полагают, что это различные понятия» [17, с. 51].

Не углубляясь в теорию права, исходя из целей настоящего исследования, термин «объект гражданских прав» используем в субъективном смысле и отождествляем с понятием «объект правоотношения», представляющий собой то благо, которое может быть отчуждено или передано другому лицу.

Какое же место в гражданском обороте занимает система ИИ? Она, безусловно, является благом, так как цель ее создания – обеспечение создателю экономических выгод от ее использования другими лицами, а также получение благоприятного социального, экологического, научного или иного эффекта для общества в целом, следовательно, система ИИ выступает в качестве объекта права.

Однако система ИИ не находит места в перечне имеющих необходимую гражданскую оборотоспособность объектов гражданских прав, перечисленных в ст. 128 ГК1 РФ, которая с октября 2019 г. пополнилась цифровыми правами, определяемыми в ст. 141¹ ГК1 РФ.

Анализ изменений, вносимых в перечень объектов гражданских прав, приведенный в ст. 128 ГК1 РФ, показывает, что перечень следует оставить открытым. Подобная необходимость обусловливается стремительным развитием науки и техники, а также трансформацией цивилистической мысли, что может привести к появлению новых видов объектов гражданских прав, которые в отличие от вещей, то есть предметов материального мира, представляют собой новые материальные блага, вещественность которых довольно условна.

Появление электронной формы для ряда традиционных объектов гражданских прав, таких как деньги, ценные бумаги, результаты интеллектуальной деятельности, не привело к революции в праве, хотя и породило ряд проблем. Правовое регулирование подобных объектов строилось по аналогии с регулированием объектов, имеющих сходную правовую природу и в то же время обладающих признаками вещи. Это стало возможным потому, что названные объекты, несмотря на свою форму, тесно связаны с материальным миром [18, с. 46].

При этом виртуальные блага могут участвовать в обороте только при наличии экономической (имущественной) ценности, поскольку именно экономическая ценность объекта обуславливает его востребованность у участников имущественного оборота, а соответственно, и участие в имущественном обороте.

Рассматривая соотношение инноваций и объектов интеллектуальной собственности, необходимо отметить, что последние, как и инновации, являются одной из форм творческой деятельности человека. Э.Н. Гаврилов, в частности, утверждает, что «творчество – это деятельность человека, порождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, оригинальностью и уникальностью» [19, с. 124]. На наш взгляд, данная характеристика достаточно емко раскрывает правовую природу рассматриваемых объектов и должна быть учтена при выработке законодателем доктринального (унифицированного) понятия инноваций.

Нельзя не согласиться с мнением В.А. Дозорцева, который считает, что «неотъемлемыми признаками результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним инноваций являются новизна и творчество, которые есть выражение личности автора, поэтому они представляют собой элементы прав человека и гражданина. В гражданском праве появилась совершенно новая сфера, у которой только один ресурс исключительного личного характера – мозги, интеллект» [10, с. 282]. Критерий творчества не может быть реализован, если нет причинно-следственной связи с критерием новизны, с помощью которого возникает инновация как объект гражданского оборота [20, с. 13].

Если рассматривать права на систему ИИ как объект оборота, то приходим к выводу, что система ИИ является инновацией. Подобный вывод подтверждается и позицией российского законодателя, например Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ЭПР), который гласит: «...Цифровые инновации – новые или существенно улучшенные продукт (товар, работа, услуга, охраняемый результат интеллектуальной деятельности) или процесс, новые метод продаж или организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях, введенные в употребление, созданные или используемые по направлениям, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона, с применением технологий, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации», включая и технологии ИИ.

Представляется возможным сделать вывод, что права на охраноспособные инновации в виде нового или усовершенствованного результата работ, оказания услуг или охраняемого результата интеллектуальной деятельности являются оборотоспособными объектами гражданских прав, а следовательно, переход прав на систему искусственного интеллекта как на охраноспособную инновацию возможен.

Любая юридическая система действенна лишь при наличии охраны прав. При правовом регулировании системы ИИ в качестве инновации первоочередным является вопрос охраны прав правообладателей. Поскольку результаты интеллектуальной деятельности представляют собой охраноспособные инновации, охрану прав участников инновационного процесса необходимо рассматривать через призму охраны прав на объекты интеллектуальной собственности.

Для патентоспособных результатов интеллектуальной деятельности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов) первоочередным способом правовой охраны, безусловно, является получение патента на результаты интеллектуальной деятельности. Согласно ст. 1232 части четвертой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК4 РФ), исключительное право на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации признается и охраняется при условии государственной регистрации такого результата или такого средства. Также по желанию правообладателя в Роспатенте можно зарегистрировать программу для ЭВМ, базу данных, топологию интегральных микросхем [21, с. 7].

При отсутствии в гражданском законодательстве такого объекта прав, как система ИИ, можно говорить о регистрации отдельных элементов системы, безоговорочно являющихся объектом интеллектуальной собственности (алгоритмов, баз данных и др.), или о получении патента на них. Однако в данном случае возникает вопрос экономической эффективности такой регистрации.

Кроме того, после получения патента на объект интеллектуальной собственности сведения, отраженные в заявке и самом патенте, становятся общедоступными, что впоследствии может вызвать в связи с созданием конкурентами схожего, но формально измененного объекта риск утраты экономической ценности системы ИИ в целом, а следовательно, и проблемы коммерциализации. Изложенные обстоятельства побуждают к поиску иных способов правовой охраны.

Особого внимания заслуживает возможность правовой охраны системы ИИ в качестве ноу-хау (ст. 1465 ГК4 РФ). При условии определения системы ИИ в качестве комплекса технологических решений, включающих в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе такое, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, в случае отсутствия возможности патентования системы в целом наиболее оптимальным способом охраны прав становится режим ноу-хау. Преимуществом в этом случае является возможность сохранять информацию о разработках в секрете от конкурентов.

Практическое значение определения системы искусственного интеллекта в качестве объекта права заключается в возможности введения таких систем в оборот и, как следствие, дальнейшего использования в предпринимательской деятельности.

В отличие от охраняемых объектов интеллектуальной собственности, которые, например, в лицензионном договоре могут быть достаточно четко определены в качестве предметов лицензий при наличии на них охранных документов, установление объемов передачи прав на систему искусственного интеллекта в качестве предмета лицензионной сделки связано с определенными трудностями и является исключительно результатом договоренности между партнерами. На основе международного опыта заключения сделок, предметом которых является, например, ноу-хау, выступающее в лицензионном договоре не самостоятельно, а как дополнение к запатентованному изобретению или полезной модели, до появления специального нормативного регулирования представляется возможным заключение аналогичных сделок, направленных на переход прав в отношении систем искусственного интеллекта, с учетом принципа свободы договоров (ст. 421 ГК1 РФ).

В связи с изложенным стоит отметить, что на мировом рынке лицензий крупномасштабный характер приобрела торговля беспатентными лицензиями (то есть объектами интеллектуальной собственности, не имеющими международной и национальной патентной защиты), объемы которой, по оценкам экспертов, существенно превышают объемы коммерческих операций с объектами промышленной собственности, имеющими патентную защиту [22, с. 362].

При этом переход прав на систему ИИ должен осуществляться одновременно в отношении всех элементов такой системы, включая охраняемые и не охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, иные технические процессы и информацию, входящие в ее состав, как на единое целое.

Буквальное толкование ст. 1225 ГК4 РФ показывает, что объекты интеллектуальной собственности разделены законодателем на две большие группы. Первую группу составляют результаты интеллектуальной деятельности, а вторую – приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий.

Между тем закрепленное в НСРИИ определение ИИ не позволяет приравнять систему ИИ к одному из объектов интеллектуальной собственности, поименованных в ст. 1225 ГК4 РФ, в рамках действующей в законодательстве концепции.

Система искусственного интеллекта схожа по содержанию с единой технологией (гл. 77 ГК4 РФ), поскольку также включает несколько результатов интеллектуальной деятельности и, кроме того, иные результаты, не подлежащие правовой охране, в том числе технические данные, другую информацию. Однако Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» (ФЗ № 456) с 01 января 2022 г. законодатель исключил из Гражданского кодекса РФ гл. 77 и, соответственно, правовую охрану единой технологии.

Поскольку ст. 128 ГК1 РФ не содержит таких объектов гражданских прав, как инновация и информация, правовая охрана систем ИИ в качестве объекта интеллектуальной собственности в сравнении с не охраняемыми инновациями имеет преимущества. Сопоставление систем ИИ с такими объектами, как произведение, изобретение, ноу-хау, показывает, что система ИИ является отличной от поименованных в ст. 1225 ГК4 РФ объектов категорией, так как представляет собой совокупность результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых как авторским правом, так и иными институтами права интеллектуальной собственности: баз данных, программ для ЭВМ, изобретений и др., тем самым является сложным объектом по смыслу ст. 1240 ГК4 РФ, а также включает информационную инфраструктуру и иные процессы.

На основании вышеизложенного предлагаем внести изменения в действующее законодательство и дополнить ГК4 РФ главой 78 «Право на систему искусственного интеллекта», а также дополнить ст. 1240 ГК4 РФ пунктом 6: «Правила настоящей статьи применяются к праву использования результатов интеллектуальной деятельности в составе системы искусственного интеллекта, если иное не установлено главой 78 настоящего Кодекса».

Учитывая особенности и тенденции развития информационных технологий, в частности перспективу создания «умных роботов», «сильного» ИИ, а также цифровую форму участия современных объектов прав в гражданском обороте, описанные выше, особое внимание следует уделить вопросу ограничения участия в обороте систем ИИ.

Установленная взаимосвязь систем ИИ и объектов интеллектуальной собственности позволяет рассматривать проблему оборотоспособности, а также пределов и ограничений оборотоспособности системы искусственного интеллекта и прав на нее через оборотоспособность прав на объекты интеллектуальной собственности и другие инновации.

Отличие исключительного права от других абсолютных прав (например, права собственности или личных неимущественных прав) состоит в системе ограничений этого права, установленных законом, обусловленных нематериальным характером объектов, в отношении которых действуют исключительные права.

По мнению Л.А. Новоселовой, устанавливаемые законом ограничения исключительных прав служат отражением объективно существующей потребности соблюдения баланса между интересами авторов, предпринимателей, использующих результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а также общества в целом или отдельных социальных групп (например, учащихся, научных работников, лиц с ограниченными возможностями) [23, с. 154].

Подводя итог, выделим следующие особенности участия в гражданском обороте системы ИИ.

1. Обязательная государственная регистрация перехода исключительных прав на систему ИИ в случае, если в такую систему включены результаты интеллектуальной деятельности, требующие государственной регистрации (например, в случае когда система ИИ является элементом киберфизической системы).

2. Введение специальных ограничений, например: исчерпание патентных прав, право преждепользования и право послепользования на результаты интеллектуальной деятельности, входящие в систему ИИ.

3. Особенности использования систем ИИ в личных некоммерческих, исследовательских целях и других случаях (случаи свободного использования – ст. 1273–1280, 1359 ГК РФ).

4. Недопустимость злоупотребления правом и использования систем ИИ в целях, ущемляющих права и законные интересы человека; особенности ответственности за нарушение интеллектуальных и иных прав граждан.

5. Необходимость создания в целях обеспечения информационной и иной безопасности открытого национального реестра систем ИИ, сведения в который для упрощения взаимодействия бизнеса и государства могут вноситься в электронном виде. Публичная доступность реестра, содержащего открытые данные о системах ИИ, является необходимым условием обеспечения стабильности гражданского оборота в цифровой среде.

6. Дифференциация осуществления прав на систему ИИ у разработчиков, правообладателей и конечных пользователей системы.

7. Безусловность сохранения личных неимущественных прав создателей результатов интеллектуальной деятельности, входящих в систему ИИ, и признание

авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные системой ИИ, за разработчиками такой системы.

В контексте формирования электронного (цифрового) гражданского оборота важным является нормативное определение места ИИ в системе права. В сложившейся системе правоотношений естественным выглядит вывод о том, что роботы и иные машины являются объектами правоотношений и не могут быть самостоятельными субъектами права, поскольку право регулирует общественные отношения между людьми как биологическими существами. Пока сложно представить, что машина с ИИ может самостоятельно, «лично» вступать в правоотношения и быть субъектом ответственности. Однако развитие электронного гражданского оборота и дальнейшая трансформация гражданского законодательства могут привести к иным выводам [24, с. 56].

Появление новых цифровых объектов, представляющих собой программно-аппаратные комплексы, в том числе созданные с использованием систем ИИ, которые применяются, например, в системах «умных городов», предприятий, других объектов промышленности и жизнедеятельности, требует особого нормативного регулирования на транснациональном уровне.

В правовом регулировании гражданского оборота на сегодняшний момент остается дискуссионным ряд вопросов: возвращение объекта «информация» в статью 128 ГК1 РФ; разработка современных правил регулирования оборота таких объектов, как комплексы программ для ЭВМ, с учетом специфики мобильных приложений, облачных сервисов, Интернета вещей («IoT»), промышленных платформ больших данных и т. д.; переход прав на объекты в цифровом формате и другие.

Источники

- КРМП – Концепция развития технологий машиночитаемого права. – URL: https://sk.ru/media/documents/Концепция_МЧП_Версия_на_РГ_01.03.2021.pdf, свободный.
- WPAI – White paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust // European Commission. – Brussels, 2020. – 19 февр. – 26 p. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf, свободный.
- НСРИИ – Указ Президента РФ от 10 окт. 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года)» // Судебные и нормативные акты РФ: [Сайт]. – URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-10102019-n-490/natsionalnaia-strategiia-razvitiia-iskusstvennogo-intellekta/i/>, свободный.
- Коммерсантъ – Саудовская Аравия первой в мире предоставила гражданство роботу // Коммерсантъ. – 2017. – 26 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3450054>, свободный.
- DM – *Ализар А. DeepMind и Google: битва за контроль над сильным* // Хабр: [Сайт]. – 2019. – 18 марта. – URL: <https://habr.com/ru/post/444234/>, свободный.
- ГК1 РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ (СЗ РФ). – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
- НРИС – Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9) // Законы,

кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации: [Сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/pasport-federalnogo-proekta-normativnoe-regulirovanie-tsifrovoisredy-utv-prezidiumom/>, свободный.

ЭПР – Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5017.

ГК4 РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.

ФЗ № 456 – Федеральный закон от 22 дек. 2020 г. № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 52 (часть I). – Ст. 8602.

Литература

1. *Залоило М.В.* Искусственный интеллект в праве. – М.: Инфотропик Медиа, 2021. – 132 с.
2. *Сесицкий Е.П.* Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2018. – 218 с.
3. *Гурко А.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 7–18.
4. *Лантев В.А.* Понятие искусственного интеллекта и ответственность за его работу // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102. – doi: 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102.
5. *Шестак В.А., Волеводз А.Г.* Современные потребности правового обеспечения искусственного интеллекта: взгляд из России // Всерос. криминол. журн. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 197–206. – doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
6. *Дроздов И.А.* Стоит задуматься, что можно упростить в существующем законодательстве, если люди решают свои экономические задачи альтернативными способами // Закон. – 2018. – № 2. – С. 6–17.
7. *Харитонов Ю.С., Савина В.С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2020. – № 3. – С. 524–549. – doi: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549.
8. *Шершеневич Г.Ф.* Понятие и сущность гражданского права // Шершеневич Г.Ф. Избранные труды по общей теории права, гражданскому и торговому праву: в 2 т. – М.: Юрайт, 2017. – Т. 1. – С. 52–119.
9. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: в 5 кн. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1: Общие положения. – 848 с.
10. *Дозорцев В.А.* Творческий результат: система правообладателей // Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. ст. – М.: Статут, 2005. – С. 277–336.
11. *Красавчиков О.А.* Советский гражданский оборот (понятие и основные звенья) // Учен. зап. СЮИ. – 1957. – Т. 5. – С. 11–12.
12. Российское гражданское право: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2016. – Т. 2: Обязательственное право. – 1208 с.
13. *Полухтов И.А.* Гражданский оборот имущественных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 183 с.
14. Постатейный комментарий к ГК РФ, части 1 / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгалов; под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. – 1326 с.

15. *Дерюгина Т.В., Иниакова А.О.* Оборотоспособность и правовой режим объектов гражданских прав: соотношение понятий // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2019. – № 6. – С. 31–34.
16. *Карцхия А.А.* Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: Дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2019. – 394 с.
17. *Чебаев В.Н.* Соотношение понятий «объект права и объект правоотношений» // *Евразийский Союз Ученых. Юрид. науки.* – 2015. – № 6-5. – С. 50–52.
18. *Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Цифровые активы: правовой анализ. – М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.
19. *Гаврилов Э.Н.* Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
20. *Сушкова О.В.* Право интеллектуальной собственности в зарубежных странах. – М.: ВГУЮ, 2015. – 122 с.
21. *Гринь О.С.* Заработай интеллектом! Договоры в сфере интеллектуальных прав. – М.: Проспект, 2019. – 128 с.
22. *Мухомад В.И.* Коммерциализация интеллектуальной собственности. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2019. – 510 с.
23. Право интеллектуальной собственности: в 4 т. / Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – Т. 1: Общие положения. – 512 с.
24. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития / Отв. ред. Е.П. Губин. – М.: Юстицинформ, 2019. – 664 с.

Поступила в редакцию
02.03.2022

Царёва Анна Евгеньевна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА МЮ РФ)
ул. Азовская, д. 2, корп. 1, г. Москва, 117638, Россия
E-mail: anyutatsareva@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 4, pp. 84–98

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.84-98

On the Issue of the Turnover of Artificial Intelligence Systems

A.E. Tsareva

All-Russian State University of Justice, Moscow, 117638 Russia
E-mail: anyutatsareva@yandex.ru

Received March 2, 2022

Abstract

This article studies various forms and methods of using artificial intelligence systems in civil legal relations. It also considers a correlation between the concepts of civil, economic, and digital civil turnover. Special attention is paid to the turnover of artificial intelligence systems as an economic benefit enjoyed by

their creators. The analysis of the existing approaches to understanding the legal nature of artificial intelligence shows that the Russian legal doctrine currently defines artificial intelligence as an object of law. The rights to an artificial intelligence system as an object of civil turnover are specified. The features of this turnover are revealed. Based on the results obtained, it is concluded that virtual goods can be involved in the turnover only if they are associated with an economic (property) value because the latter determines whether there is actual demand in them among the participants of the property turnover and sets out its role in the property turnover. Possible amendments to the civil legislation and regulation of the transfer of the rights to the artificial intelligence system as a complex object of intellectual property are discussed.

Keywords: legal nature, artificial intelligence, object of law, innovations, innovative activity, object of intellectual property, turnover, turnover criteria

References

1. Zaloilo M.V. *Iskusstvennyi intellekt v prave* [Artificial Intelligence in Law]. Moscow, Infotropik Media, 2021. 132 p. (In Russian)
2. Sesitskii E.P. The problems of protecting the products of artificial intelligence. *Cand. Law Diss.* Moscow, 2018. 218 p. (In Russian)
3. Gurko A. Artificial intelligence and copyright: A glimpse at the future. *Intellektual'naya Sobstvennost'. Avtorskoe Pravo i Smezhnye Prava*, 2017, no. 12, pp. 7–18. (In Russian)
4. Laptev V.A. Artificial intelligence and liability for its work. *Pravo. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 79–102. doi: 10.17-323/2072-8166.2019.2.79.102. (In Russian)
5. Shestak V.A., Volevodz A.G. Modern demands for the legal support of artificial intelligence: A Russian perspective. *Vserossiiskii Kriminologicheskii Zhurnal*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 197–206. doi: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).197-206.
6. Drozdov I.A. If people solve their economic problems using alternative methods, it means that we need to reflect on ways to simplify the existing legislation. *Zakon*, 2018, no. 2, pp. 6–17. (In Russian)
7. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. The technology of artificial intelligence and law: Today's challenge. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki*, 2020, no. 3, pp. 524–549. doi: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549. (In Russian)
8. Shershenevich G.F. The concept and essence of civil law. In: Shershenevich G.F. *Izbrannye trudy po obshchei teorii prava, grazhdanskomu i torgovomu pravu* [Selected Writings on General Theory of Law, Civil and Trade Law]. Vol. 1. Moscow, Yurait, 2017, pp. 52–119. (In Russian)
9. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. *Dogovornoe pravo* [Contractual Law]. Book 1: General provisions. Moscow, Statut, 2001. 848 p. (In Russian)
10. Dozortsev V.A. Creative product: A system of right holders. In: Dozortsev V.A. *Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikatsii: Sb. st.* [Intellectual Property Rights: Concept. System. Problems of Codification]. Moscow, Statut, 2005, pp. 277–336. (In Russian)
11. Krasavchikov O.A. Soviet civil turnover (its concept and major constituents). *Uchenye Zapiski SYul*, 1957, vol. 5, pp. 11–12. (In Russian)
12. *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Vol. 2: Law of obligation. Sukhanov E.A. (Ed.). Moscow, Statut, 2016. 1208 p. (In Russian)
13. Poluyakhtov I.A. Civil turnover of property rights. *Cand. Law Diss.* Yekaterinburg, 2002. 183 p. (In Russian)
14. Andropov V.V., Belyaev K.P., Gongalo B.M. *Postateinyi kommentarii k GK RF, chasti 1* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part 1]. Krasheninnikov P.V. (Ed.). Moscow, Statut, 2011. 1326 p. (In Russian)
15. Deryugina T.V., Inshakova A.O. Circulability and legal regime of the objects of civil rights: A correlation of concepts. *Zakony Rossii: Opyt, Analiz, Praktika*, 2019, no. 6, pp. 31–34. (In Russian)
16. Kartskhiya A.A. A civil model of controlling digital technology. *Doct. Law Diss.* Moscow, 2019. 394 p. (In Russian)
17. Chebaev V.N. Correlation between the concepts of subject of a right and subject of legal relations. *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh. Yuridicheskie Nauki*, 2015, no. 6-5, pp. 50–52. (In Russian)
18. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. *Tsifrovye aktivy: pravovoi analiz* [Digital Assets: A Legal Analysis]. Moscow, 4 Print, 2020. 304 p. (In Russian)

19. Gavrilov E.N. *Sovetskoe avtorskoe pravo. Osnovnye polozeniya. Tendentsii razvitiya* [Soviet Copyright. Substantive Provisions]. Moscow, Nauka, 1984. 222 p. (In Russian)
20. Sushkova O.V. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti v zarubezhnykh stranakh* [Intellectual Property Law in Foreign Countries]. Moscow, VGUYu, 2015. 122 p. (In Russian)
21. Grin' O.S. *Zarabotai intellektom! Dogovory v sfere intellektual'nykh prav* [Use Your Intellect to Make Profit! Treaties in the Area of Intellectual Property Rights]. Moscow, Prospekt, 2019. 128 p. (In Russian)
22. Mukhopad V.I. *Kommertsializatsiya intellektual'noi sobstvennosti* [Commercialization of Intellectual Property]. Moscow, Magistr, INFRA-M, 2019. 510 p. (In Russian)
23. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti* [Intellectual Property Law]. Vol. 1: General provisions. Novoselova L.A. (Ed.). Moscow, Statut, 2017. 512 p. (In Russian)
24. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: itogi, tendentsii i puti razvitiya* [Russian Business Law: Advances, Potential, and Development Paths]. Gubin E.P. (Ed.) Moscow, Yustitsinform, 2019. 664 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Царёва А.Е. К вопросу об оборотоспособности систем искусственного интеллекта // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 84–98. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.84-98. ⟩

⟨ **For citation:** Tsareva A.E. On the issue of the turnover of artificial intelligence systems. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 4, pp. 84–98. doi: 10.26907/2541-7738.2022.4.84-98. (In Russian) ⟩